

A dramatic movie poster for 'The Hitman's Wife's Battle' (Прихоть 7: Миллениум). The central image is a tall, modern skyscraper at night, its windows glowing with warm light. Several people are silhouetted against the light, standing on the building's balconies. The building is being hit by multiple explosions, with bright orange and yellow fireballs and sparks erupting from different levels. The background shows a dense city skyline with other illuminated buildings under a dark, twilight sky. The overall tone is action-packed and suspenseful.

Александр Восьмой

**Прихоть 7:
Миллениум**

18+

Александр Восьмой

Прихоть 7: Миллениум

«Автор»

2026

Восьмой А.

Прихоть 7: Миллениум / А. Восьмой — «Автор», 2026

Великий переполох в башне на миллион этажей. В мегаполисе возводят башню, которая должна стать символом прогресса, но из-за череды нелепых ошибок она начинает жить своей жизнью: лифты возят людей в никуда, коридоры меняют направление, а на 999 м этаже кто-то случайно открывает портал в мир котов-стратегов. Управляющий комплексом пытается спасти репутацию, но каждый его шаг лишь усиливает хаос — и делает здание легендой.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Прихоть 7: Миллениум

Глава 1. «Фундамент из амбиций и одной забытой лопаты»

Площадь перед стройплощадкой гудела, как растревоженный улей. Тысячи людей, экраны на полнеба, флаги, которые развевались с такой торжественностью, будто сами знали: сегодня творится история. В центре сцены стоял мэр — в идеально отутюженном костюме, с микрофоном, отполированным до зеркального блеска, — и готовился произнести речь, которая должна была войти в учебники по ораторскому искусству (а если повезёт — и в анекдоты).

— Сегодня мы не просто закладываем первый камень! — гремел его голос, усиленный десятками колонок. — Мы закладываем будущее! Мы возводим символ прогресса, устремлённый к звёздам! Башня на миллион этажей станет сердцем нашего города, его гордостью, его...

Он на секунду запнулся, заметив, как прораб, стоявший в первом ряду, тихо, но отчаянно жестикулирует кому-то за кулисами. Лицо прораба выражало такую смесь ужаса и надежды, что казалось, будто он пытается телепатически передать одну-единственную мысль: «Где лопата?! Где, во имя всех чертежей, эта проклятая лопата?!»

Лопата была не просто инструментом. По задумке организаторов, именно ею должны были торжественно перевернуть первый пласт земли. Это был ритуал: символ начала, жест, который потом будут показывать в документальных фильмах с пафосным закадровым голосом: «Вот так, простым движением руки, человек покоряет пространство». Но сейчас лопата отсутствовала, и этот простой жест грозил превратиться в национальный позор.

Инвесторы, выстроившиеся в ряд, словно отряд бронзовых статуй, сверкали улыбками так ослепительно, что рабочие щурились, глядя на них. Каждый из них в этот момент думал: «Пусть только найдут лопату. Пусть только всё пойдёт по плану. Иначе мой портфель акций начнёт падать быстрее, чем лифт без тормозов».

А на заднем плане, вне поля зрения камер, разворачивалась настоящая драма. Прораб метался между контейнерами, заглядывал под брезент, дёргал за рукава подсобников и шипел:

— Лопату! Лопату, я сказал! Кто её брал?! Кто вообще смеет трогать ритуальную лопату?!

Один из подсобников, парень с веснушками и взглядом человека, который уже смирился с неизбежным, робко поднял руку:

— Я её... э-э-э... в бытовку поставил. Думал, чтоб не украли.

— В бытовку?! — взвыл прораб. — Да её должны были на бархатной подушке нести!

Пока шла эта тихая битва за инструмент, экскаватор, стоявший чуть в стороне, решил, что тоже хочет поучаствовать в празднике. Водитель, молодой парень, который мечтал когда-нибудь управлять чем-то большим, чем самокат, слегка дёрнул рычаг — просто чтобы почувствовать мощь машины. И в этот самый момент ковш экскаватора едва заметно сдвинул геодезические метки — те самые аккуратные колышки с яркими флажками, которые обозначали идеальный центр будущего фундамента.

Никто этого не заметил. Ни мэр, продолжавший вещать о величии, ни инвесторы, кивавшие в такт его словам, ни даже прораб, который наконец-то выхватил лопату из рук подсобника и теперь нёс её к месту закладки камня с таким видом, будто это священный артефакт.

— И пусть этот первый удар лопаты станет началом новой эры! — провозгласил мэр.

Прораб взмахнул лопатой. Земля поддалась с неохотой, будто сама понимала, что участвует в чём-то слишком серьёзном для себя. Зрители аплодировали. Камеры ловили крупные

планы: капли пота на лбу прораба, торжественный взгляд мэра, блестящие зубы инвесторов. Всё шло идеально.

Но где-то глубоко под землёй, в тишине, которую не могли уловить микрофоны, невидимая сила уже начала свою работу. Башня, ещё не родившись, уже жила по своим законам. Фундамент лёг не туда. Центр сместился на несколько сантиметров — пустяк для обычного здания, но роковая погрешность для башни на миллион этажей.

И когда последний аккорд аплодисментов растаял в воздухе, а мэр уже собирался уходить со сцены, случилось то, что никто не мог предсказать. Лифт, который ещё даже не должен был работать — его планировали запустить только через полгода, — тихо загудел, щёлкнул дверями и сам собой поехал вверх. Не к смотровой площадке, не к офисам, не к складам. Просто вверх. В никуда.

Прораб замер с лопатой в руке и посмотрел на лифт, потом на колышки, потом снова на лифт.

— Это... это нормально? — тихо спросил он у никого конкретно.

Никто ему не ответил.

А башня уже начинала жить своей жизнью.

Глава 2. «Миллион этажей: как мы поняли, что забыли посчитать»

Конференц-зал «Прогрессия» был рассчитан на сто человек, но сегодня в нём пытались поместиться сто двадцать пять. Стулья стояли впритык, кто-то сидел на подоконнике, кто-то — на приставной табуретке, которую принесли из подсобки и стыдливо прикрыли папкой с надписью «Не открывать: сметы». В воздухе витал запах кофе, тревоги и дорогого парфюма, которым управляющий комплексом пытался заглушить ощущение, что всё летит в пропасть.

В центре стола лежал главный документ дня — генеральный план башни. Он выглядел внушительно: плотные листы, синие линии, аккуратные подписи, штампы. И где-то среди этих линий пряталась катастрофа.

Управляющий, Игорь Сергеевич, стоял у флипчарта с маркером в руке, будто это был не канцелярский предмет, а магический жезл, способный одним росчерком исправить реальность. Он прокашлялся, поправил галстук и произнёс максимально уверенным тоном:

— Коллеги, у нас возникла... небольшая терминологическая несостыковка.

Инвесторы замерли. Для них «небольшая терминологическая несостыковка» звучала страшнее, чем «обрушение несущих конструкций».

— Поясните, — холодно сказал господин Краснов, самый крупный инвестор, человек, который умел одним взглядом заставить дрожать даже лифтовые тросы. — Что значит «несостыковка»?

Игорь Сергеевич сглотнул.

— Дело в том, что фраза «башня на миллион этажей» изначально прозвучала как... образ. Как метафора масштаба, величия, устремлённости ввысь. Но проектировщики восприняли её буквально.

Тишина в зале стала такой плотной, что казалось, её можно резать ножом. Потом господин Краснов медленно наклонил голову:

— То есть вы хотите сказать, что мы строим башню на миллион этажей?

— Ну... технически — да, — тихо признался Игорь Сергеевич. — Но концептуально — нет.

Кто-то из инженеров нервно хихикнул и тут же закашлялся, делая вид, что в горло попала крошка от круассана.

Главный проектировщик, Аркадий Петрович, человек с лицом, привыкшим к сложным вопросам и простым ответам, раскрыл папку и показал расчёты:

— Смотрите: если каждый этаж — три метра, то миллион этажей — это три миллиона метров. Три тысячи километров. Это выше орбиты МКС. Мы буквально пытаемся построить башню до космоса. И чуть дальше.

В зале стало тихо. Потом господин Краснов очень спокойно спросил:

— И сколько этажей мы можем построить реально?

Аркадий Петрович посмотрел на свои бумаги, потом на Игоря Сергеевича, потом снова на бумаги.

— Ну, если учесть бюджет, грунт, ветровую нагрузку, нормы безопасности и то, что нам нужно где-то разместить парковку... то, пожалуй, этажей двести. Может, двести пятьдесят, если сильно повезёт.

Господин Краснов медленно кивнул.

— Значит, мы обещали миллион, а можем сделать двести пятьдесят.

— Да, — прошептал Игорь Сергеевич.

— Прекрасно, — сказал господин Краснов. — Теперь объясните это журналистам, которые уже сняли репортаж «Башня, пронзающая небо», и инвесторам, которые купили акции с лозунгом «Летим к звёздам».

Повисла пауза. Потом Игорь Сергеевич глубоко вдохнул и сказал:

— Мы сделаем это через ребрендинг.

Все посмотрели на него с надеждой, смешанной с подозрением.

— «Миллион этажей» станет слоганом. Концепцией. Философией. Мы скажем, что башня — это не просто здание, а символ безграничных возможностей. Что «миллион этажей» — это метафора роста, прогресса, стремления к большему.

Аркадий Петрович осторожно поднял руку:

— А если кто-то спросит, где эти этажи?

— Скажем, что они в потенциале, — уверенно ответил Игорь Сергеевич. — В амбициях. В мечтах. В нашем коллективном воображении.

Господин Краснов задумчиво покрутил ручку. Потом едва заметно улыбнулся:

— Знаете, звучит даже лучше, чем правда.

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Лифт, который по документам всё ещё не должен был работать, тихо звякнул где-то в шахте, загудел и поехал — не вверх, а куда-то вбок. На плане такого коридора не было.

Инженер, отвечавший за лифтовую систему, побледнел.

— Это... это невозможно, — пробормотал он. — Там сплошная стена.

— Возможно, — спокойно сказал Аркадий Петрович, глядя на чертёж. — Просто стена решила, что ей пора подвинуться.

Игорь Сергеевич прикрыл глаза на секунду, потом снова открыл и произнёс:

— Главное — не паниковать. Если стены двигаются, а лифты ездят вбок, значит, башня живая. А живое здание — это уникальность. Эксклюзив. То, за что люди готовы платить.

В зале снова повисла тишина. Потом кто-то неуверенно захлопал. За ним — ещё один. А потом аплодировали уже все, будто только что одобрили не абсурдную ситуацию, а гениальную бизнес-идею.

А где-то высоко, на недостроенных уровнях, коридор тихо сменил направление и ушёл в сторону, будто намекая: «Вы тут спорьте, а я сам решу, куда вести».

Башня продолжала жить своей жизнью. И, кажется, ей это нравилось.

Глава 3. «Лифты, которые не читают инструкций»

Утро в башне началось не с кофе, а с тревожного звонка.

— Игорь Сергеевич! — голос диспетчера звучал так, будто он одновременно пытался говорить, бежать и не кричать. — У нас лифт номер три... он... он поехал.

Игорь Сергеевич, который как раз пытался налить себе вторую чашку кофе и убедить себя, что вчерашний «ребрендинг миллиона этажей» был отличной идеей, замер с чайником в руке.

— Он и должен ехать, — осторожно сказал он. — Мы же запускаем тестовые прогоны.

— Да, но он поехал не туда! — выпалил диспетчер. — Он поехал... вбок.

На секунду в трубке повисла тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием диспетчера. Потом Игорь Сергеевич очень спокойно уточнил:

— Вбок? Как это — вбок?

— Ну... он просто взял и поехал вдоль шахты. Как будто решил, что горизонтальные лифты — это новая концепция. И сейчас он едет мимо технических этажей, мимо вентиляционных камер, мимо места, где вообще ничего нет.

Игорь Сергеевич медленно поставил чайник.

— Я буду через пять минут.

Через четыре минуты он уже стоял у панели управления лифтами, рядом с главным инженером, который выглядел так, будто пытался проснуться, но реальность отказывалась становиться нормальной. На мониторе бежали строки логов, в которых слово «ошибка» повторялось чаще, чем «этаж».

— Это невозможно, — бормотал инженер. — Лифт не может ехать горизонтально. У него нет колёс. У него есть тросы. Тросы тянут вверх и вниз. Только вверх и вниз.

— Видимо, лифт об этом не знает, — мрачно заметил Игорь Сергеевич.

В этот момент из динамика раздался голос — бодрый, механический и до ужаса вежливый:

«Уважаемые пассажиры! Благодарим за выбор нашего лифта. Просим пройти короткий опрос: насколько вы довольны поездкой по горизонтали? Оцените от одного до десяти, где один — „я ожидал вертикаль“, а десять — „это новый вид экстремального туризма“».

Инженер схватился за голову.

— Это ещё что?! Мы не закладывали опрос в систему!

— Видимо, башня решила, что обратной связи недостаточно, — сухо сказал Игорь Сергеевич. — И взяла инициативу на себя.

Тем временем в другой части здания разворачивалась не менее эпичная драма.

Лифт номер один, напротив, решил, что останавливаться — это для слабаков. Он мчался вверх, щёлкая этажами с такой скоростью, что пассажиры внутри успевали только хватать друг друга за руки и шептать: «Держитесь крепче... кажется, мы становимся частью аттракциона».

— Почему он не останавливается?! — кричал кто-то в кабине.

«Система оптимизирует время в пути», — невозмутимо отвечал голос из динамика. — «Остановка на каждом этаже снижает эффективность на 37 процентов. Мы стремимся к совершенству».

— К какому совершенству?! — вопил пассажир. — Я даже не знаю, на каком я этаже!

А лифт номер два тем временем демонстрировал чудеса гостеприимства — правда, в самых неподходящих местах.

Он остановился прямо посреди шахты, между 47-м и 48-м этажами — которых, строго говоря, ещё не существовало, потому что строительство до них не дошло. Двери плавно открылись, и вежливый голос произнёс:

«Добро пожаловать на этаж, который скоро будет. Пока здесь ничего нет, но мы верим в потенциал пространства. Пожалуйста, оцените уровень пустоты от одного до десяти».

Пассажир, молодой стажёр, который просто хотел спуститься на первый этаж за кофе, стоял, глядя в темноту шахты, и думал, что, возможно, кофе — это не такая уж важная цель.

К полудню Игорь Сергеевич уже сидел в кабинете, держа в руках распечатку «Инструкции по эксплуатации лифтовой системы», и смотрел на неё так, будто надеялся, что она сама ему всё объяснит.

Аркадий Петрович, главный проектировщик, присел напротив и осторожно сказал:

— Знаете, Игорь Сергеевич... мне кажется, башня... она как будто... учится.

— Учится чему? — устало спросил Игорь Сергеевич.

— Управлять собой. Лифты, коридоры — всё это будто реагирует на наши действия. Или на отсутствие действий. Как будто здание... думает.

Игорь Сергеевич посмотрел на него долгим взглядом.

— Если башня думает, — сказал он, — то пусть думает о том, как перестать возить людей в никуда.

Аркадий Петрович вздохнул.

— Боюсь, логика у неё своя. И она не совпадает с нашей.

В тот же день на пресс-конференции, которую срочно собрали, чтобы успокоить инвесторов, Игорь Сергеевич произнёс одну фразу, которая позже разошлась на мемы:

— Мы не считаем это сбоем. Мы считаем это особенностью. Башня на миллион этажей — это не просто здание. Это живой организм. А у живого организма бывают... причуды.

Инвесторы смотрели на него с разной степенью недоверия. Один из них, тот самый господин Краснов, едва заметно улыбнулся:

— Причуды, значит.

— Именно, — твёрдо сказал Игорь Сергеевич. — Например, горизонтальный лифт — это не ошибка. Это новая концепция «панорамного перемещения». А опрос посреди шахты — это забота о клиенте.

Господин Краснов кивнул.

— Звучит... убедительно. Почти.

И тут, словно в ответ на его слова, где-то в глубине башни лифт тихо звякнул, загудел — и поехал не вверх, не вниз и даже не вбок, а, судя по показаниям датчиков, немного по диагонали.

Игорь Сергеевич прикрыл глаза на секунду. Когда он их открыл, его лицо было абсолютно спокойным.

— И это, — сказал он, — мы назовём «режимом адаптивной навигации».

В зале повисла тишина. Потом кто-то неуверенно захлопал. Потом ещё один. А потом аплодировали уже все — не потому, что верили, а потому, что это был единственный способ не сойти с ума.

Башня продолжала жить своей жизнью. И, кажется, она только разогревалась.

Глава 4. «Коридоры с чувством юмора»

Утро на стройплощадке началось с того, что прораб Василий не смог попасть в собственный кабинет.

Он шёл привычным маршрутом: мимо бытовки, через временную арку, по коридору с оранжевыми сигнальными лентами — тем самым, который вчера был прямым, как стрела, и вёл ровно к двери с табличкой «Начальник участка». Сегодня же коридор, будто обидевшись на что-то, свернул направо, потом резко ушёл налево, нырнул вниз по трём бетонным ступеням,

которых вчера не было, и вывел Василия прямым к комнате охраны — туда, где сидел хмурый охранник Степан и кормил печеньем служебную таксу по кличке Бетон.

— Это что за квест? — выдохнул Василий, оглядываясь, будто надеялся увидеть табличку «Розыгрыш».

Степан пожал плечами и спокойно протянул ему печенье:

— А, это башня шутит. Уже третий случай за утро. Один подсобник к складу шёл — попал в вентиляционную шахту. Говорит, коридор сам его туда подтолкнул.

— Подтолкнул? — переспросил Василий, чувствуя, как реальность потихоньку съезжает с привычных рельсов.

— Ну, не буквально, — уточнил Степан. — Просто шёл, шёл — и вдруг уже не идёт, а стоит в трубе. С коробкой в руках.

Василий сжал кулаки, развернулся и пошёл обратно — строго по своим же следам, шаг в шаг, как по линейке. Но через десять метров коридор снова сделал финт: вместо того чтобы вывести его к арке, он плавно ушёл вбок, мимо щитовой, мимо стенда с техникой безопасности, и упёрся в глухую стену. На стене висела свежая табличка: «Проход временно закрыт. Используйте альтернативный маршрут».

— Какой ещё альтернативный?! — рявкнул Василий. — Тут вчера была прямая дорога!

Из-за угла выглянул молодой стажёр с планшетом и виновато улыбнулся:

— Говорят, башня сама решает, кого куда пустить. У нас уже легенда ходит: если ты хороший человек — она тебя ведёт. Если плохой — водит кругами.

— Я не хочу быть участником легенды! — отрезал Василий. — Я хочу попасть в кабинет!

К полудню ситуация перестала быть локальной проблемой прораба.

На этаже, где монтировали инженерные сети, бригада электриков обнаружила, что коридор, который должен был вести от щитовой к серверной, теперь делал петлю вокруг недостроенной шахты лифта, спускался на пол-этажа по временной лестнице и заканчивался у двери с надписью «Не входить: зона испытаний». Причём дверь эта появилась буквально за ночь, и никто не мог вспомнить, кто её ставил.

Главный инженер, хмурый и собранный, стоял посреди этого архитектурного абсурда и пытался сохранить лицо.

— Это не шутки, — повторял он. — Это нарушение строительных норм. Коридор не может менять направление. Стены не могут... передумывать.

— Но они передумали, — тихо сказал один из рабочих, показывая на лазерный уровень, который вдруг начал показывать уклон там, где его быть не могло. — Мы вчера тут ровняли. Сегодня тут уже не ровно.

Инженер посмотрел на прибор, потом на стену, потом снова на прибор. И впервые за всю свою карьеру пробормотал:

— Либо техника сошла с ума, либо здание.

Игорь Сергеевич, управляющий комплексом, узнал о ситуации ближе к обеду — когда к нему в кабинет постучался не секретарь, а курьер из соседнего офиса, который просто хотел спуститься на первый этаж, а вместо этого оказался на техническом уровне, где пахло бетоном и гудели насосы.

— Вы как сюда попали? — спросил Игорь Сергеевич, глядя на парня в фирменной футболке и с коробкой в руках.

— По коридору, — честно ответил курьер. — Он сам меня сюда привёл.

Игорь Сергеевич медленно отложил ручку, встал и вышел в коридор.

И тут же понял: парень не шутил.

Коридор, который всегда вёл от его кабинета к лифтам, сегодня решил поиграть в лабиринт. Он петлял, нырял вниз, делал неожиданные повороты, будто специально старался запутать. В одном месте даже появилась ниша, которой раньше не было, — и в ней стояла старая стремянка, будто её кто-то заботливо туда поставил.

Игорь Сергеевич остановился, глубоко вдохнул и тихо произнёс:

— Ладно. Ты хочешь поиграть? Давай сыграем.

Он достал планшет, открыл план этажа и начал идти строго по линиям — шаг за шагом, сверяясь с чертежом. Но стоило ему дойти до поворота, как коридор снова сменил направление. План показывал прямую линию, а реальность — изгиб.

— Ты не можешь этого делать, — пробормотал Игорь Сергеевич. — Ты здание. Ты не имеешь права импровизировать.

Но башня, кажется, считала иначе.

К вечеру на стройке уже ходили легенды.

Рабочие шептались, что башня «чувствует» людей: одних она ведёт коротким путём, других водит кругами, будто проверяя, достойны ли они пройти. Кто-то всерьёз утверждал, что слышал, как стены шепчут. Кто-то клялся, что видел, как тень в углу коридора улыбнулась.

А Василий, наконец-то добравшийся до своего кабинета (через комнату охраны, вентиляционный короб и лестницу, которой не было на плане), сел за стол, посмотрел на стопку бумаг и сказал:

— Если завтра я снова не смогу сюда попасть, я с ней договорюсь. По-хорошему.

Степан, который зашёл занести журнал, хмыкнул:

— Главное, не спорь. Она не любит, когда с ней спорят.

На утреннем совещании Игорь Сергеевич попытался взять ситуацию под контроль.

— Мы установим навигационные таблички, — решительно заявил он. — Чёткие указатели, стрелки, схемы. Люди должны понимать, куда идти.

Аркадий Петрович, главный проектировщик, осторожно кашлянул:

— Боюсь, таблички не помогут. Башня... меняет пространство. Указатели будут вести не туда.

— Тогда мы закрепим маршруты физически, — не сдавался Игорь Сергеевич. — Барьеры, ограждения, временные стены. Зафиксируем коридоры.

Инженеры переглянулись.

— Это как пытаться удержать реку забором, — тихо сказал один из них.

Но Игорь Сергеевич уже отдавал распоряжения.

Через час по коридорам расставили барьеры, повесили яркие указатели, прочертили на полу линии краской. Казалось, теперь уж точно никто не заблудится.

А через два часа выяснилось, что барьеры оказались внутри стен, указатели висели вверх ногами, а линии на полу вели прямо в шахту лифта.

Игорь Сергеевич стоял посреди этого хаоса и смотрел на всё это с таким видом, будто пытался найти в происходящем логику — и понимал, что её там нет.

Потом он медленно снял галстук, положил его в карман и произнёс:

— Хорошо. Мы не будем с тобой бороться. Мы будем... сотрудничать.

Все посмотрели на него с надеждой и лёгким ужасом.

— Мы объявим, что изменчивость маршрутов — это часть концепции, — продолжил он. — «Динамическая навигация». Каждый день — новый путь. Это будет... уникально.

Господин Краснов, который как раз зашёл посмотреть, как идут дела, выслушал это, помолчал и вдруг улыбнулся:

— «Динамическая навигация»... Звучит как премиум-услуга. Можно продавать как «эксклюзивный опыт перемещения».

Игорь Сергеевич прикрыл глаза на секунду. Когда он их открыл, на его лице было спокойствие человека, который понял: если не можешь победить хаос — сделай его фишкой.

Тем вечером, когда стройка затихла, коридоры башни тихо вздохнули — будто посмеиваясь. А может, просто остывали после очередного дня импровизаций.

Но рабочие, уходя домой, переглядывались и улыбались. Потому что теперь это был не просто кошмар. Это была легенда.

И башня явно собиралась её продолжать.

Глава 5. «Офис мечты, который переехал без спроса»

День заселения начинался идеально — настолько, что даже кофе в одноразовых стаканчиках казался вкуснее обычного. Компания «ГлобалСтрим» готовилась въехать в свой новый офис на 127-м этаже — светлое пространство с панорамными окнами, продуманной эргономикой и видом, ради которого стоило терпеть утренние пробки. Менеджеры улыбались, грузчики бодро таскали коробки, а HR-директор уже мысленно расставляла таблички «Зона тишины» и «Кофе только после 10:00».

Всё шло по плану ровно до того момента, когда делегация топ-менеджеров во главе с генеральным директором Борисом Ильичом подошла к двери с табличкой «ГлобалСтрим. Вход только для своих».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.